

Андреев И. Д. К вопросу о новогреческом литературном языке
[Рец. на: *Krumbacher K. Das Problem der neugriechischen
Schriftsprache. München, 1903*] // Богословский вестник 1904.
Т. 2. № 7/8. С. 550–569 (4-я пагин.).

КЪ ВОПРОСУ О НОВОГРЕЧЕСКОМЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ЯЗЫКЪ.

(*K. Krumbacher. Das Problem der neugriechischen Schriftsprache
München 1903*).

Новая книга профессора К. Крумбахаера представляет вы-
сокой интересъ. Она даетъ талантливую попытку рѣшенія
жизненнаго вопроса родного намъ по вѣрѣ и культурѣ на-
рода, вопроса чрезвычайно важнаго также въ лингвистиче-
скомъ и историческомъ отношеніяхъ. Интересъ этотъ еще бо-
лѣе выпячивается личностію автора. Профессоръ Крумбахеръ
пользуется извѣстностію въ большой публикѣ, какъ авторъ
„Исторіи Византійской литературы“ и редакторъ „Византій-
скаго Временника“. Но центръ его занятій составляетъ гре-
чeskій языкъ и именно позднѣйшій. Болѣе тридцати лѣтъ
работаетъ онъ въ этой области. По-гречески онъ читаетъ и
говоритъ, какъ на родномъ языкѣ. Превосходное знаніе дру-
гихъ языковъ—англійскаго, французскаго и русскаго (на
послѣднихъ двухъ онъ также говоритъ) даетъ ему богатый
материалъ для сравненій при рѣшеніи вопроса. Наконецъ,
онъ не только видный филологъ, но и лингвистъ. Интересъ
изслѣдованія проф. Крумбахаера возрастаетъ еще, благодаря
манерѣ изложенія. Книга его не сухое изысканіе, подавляю-
щее мелочами и цитатами, а живое, согрѣтое любовью и го-
рячимъ убѣжденіемъ рѣшеніе вопроса, которому отдана почти
вся талантливая жизнь. Подобныя изслѣдованія пишутся
только по одному въ теченіе всей жизни. Сказанное, намъ
кажется, можетъ достаточно оправдать наше намѣреніе пред-
ложить вниманію читателя основныя положенія новой ра-
боты проф. Крумбахаера.

Какъ извѣстно, во всѣхъ европейскихъ языкахъ существуетъ разница между обыкновенною разговорною рѣчью и печатнымъ словомъ. Но въ большинствѣ случаевъ эта разница ограничивается стилистикой, синтаксисомъ, иногда затрагиваетъ грамматику и словарь, но никогда не доходитъ до того, чтобы создавать глубокую непроходимую пропасть. Греческій языкъ въ этомъ отношеніи занимаетъ совершенно особое мѣсто. Кто имѣлъ въ рукахъ ново-греческую книгу, греческую газету, судебный или другой какой официальный документъ, даже просто объявленіе табачнаго торговца, тотъ, конечно, поражался громаднымъ сходствомъ языка, на которомъ они написаны, съ языкомъ, который изучался въ школѣ, древнегреческимъ напр. языкомъ Ксенофонта. Не только буквы и слова, но даже грамматическія формы одни и тѣже. Если не обращать вниманія на нѣкоторыя новыя частицы и иностранныя слова, то поверхностный читатель не найдетъ въ этомъ языкѣ ничего, что не выглядело бы хорошимъ настоящимъ древнегреческимъ языкомъ. Не нужно обладать никакимъ специальнымъ филологическимъ образованіемъ, чтобы заподозрѣть, что тутъ не все въ порядкѣ. Даже и тѣхъ крохотныхъ свѣдѣній по исторіи языковъ, которыя каждый пріобрѣтаетъ въ средней школѣ путемъ сравненія напр. языковъ французскаго и итальянскаго съ латинскимъ, достаточно для уразумѣнія того факта, что въ виду глубокихъ измѣненій, претерпѣваемыхъ другими языками, невозможно существованіе исключительнаго языка, который вопреки всѣмъ законамъ развитія человѣческой рѣчи оставался бы до такой степени неизмѣннымъ въ теченіе долгихъ тысячелѣтій. Естественно рождается мысль, что этотъ, несмотря на свою глубокую древность, хорошо сохранившійся языкъ есть не живое существо, обладающее плотью и кровью, мускульной энергіей и нервами, а мертвое, или полумертвое, только искусственно поддерживаемое, подкрашенное и подправленное тѣло, родъ муми. Дѣйствительность вполне подтверждаетъ апріорныя соображенія. Этотъ высматривающій стариннымъ литературный языкъ есть на самомъ дѣлѣ искусственное созданіе; настоящій живой языкъ, который греки всасываютъ съ молокомъ матери и которымъ пользуются въ повседневной жизни высшіе и низшіе классы, образованные и необразованные, отстоитъ отъ господствующаго

шаго литературнаго языка очень далеко. Разница столь велика, что два человѣка, изъ которыхъ одинъ владѣеть только первымъ, а другой только вторымъ, совершенно чужды другъ другу и во многихъ случаяхъ не поймутъ одинъ другого. Для болѣе яснаго представленія дѣла Крумбахеръ приводитъ конкретные примѣры. Возьмемъ простую фразу: „принесите мнѣ домой воды, вина и хлѣба“. Въ разговорѣ ее переведутъ: *φέρετε μου νερό, κρασί και ψωμί 'ς τό σπίτι*. Въ литературномъ языкѣ таже фраза имѣетъ видъ: *φέρετέ (или даже ἐνεργητέ) μοι ὕδωρ, οἶνον και ἄρτον εἰς τήν οἰκίαν*. Разница эта велика даже по сравненію съ разницею между итальянскимъ и латинскимъ языкомъ, на которыхъ таже фраза читается: *portate mihi aquam, vinum et panem in domum* = *portate mi aqua, vino et pane nella casa*. Вотъ нѣкоторые другіе примѣры изъ словаря: носовой платокъ въ разговорной рѣчи называется *μαντίλι*, въ литературной—*ρίνωμαχτρον*; таже не сходны названія носа (*νόση—ῥίς*), уха (*αὐτί—οὐς*), зуба (*ὀδόντι—ὀδούς*), рубашки (*ποκάμισον—χιτών*), шляпы (*καπέλλο—πίλος*) и т. д. Не менѣ различія въ фонетикѣ и грамматикѣ обоихъ языковъ. Сочетанія согласныхъ *πτ, κτ, φθ, χθ, σθ, σχ* замѣняются—*φτ χτ, στ, σκ*... Напр. *ἐπτά=ἐφτά, ὀκτώ=ὄκτώ, φθάνω=φτάνω* и т. д. Въ грамматикѣ особенно замѣчательно уничтоженіе сложнаго третьяго склоненія: всѣ слова, къ нему относящіяся, разбрелись по первому и второму склоненіямъ. Между тѣмъ теперешній литературный языкъ совершенно игнорируетъ это исчезновеніе и упрямо удерживаетъ старыя омертвѣвшія формы. Это стремленіе воскресить невозвратное прошлое идетъ такъ далеко, что гальванизируетъ уже двѣ тысячи лѣтъ занемогшую форму дательнаго падежа. Въ спряженіяхъ литературный языкъ по сравненію съ разговорнымъ исправляетъ окончанія прошедшаго несовершеннаго, вводитъ второй аористъ, пытается оживить давно исчезнувшія причастія и даже прошедшее совершенное. Вообще во всемъ новогреческѣй литературный языкъ хочетъ быть языкомъ Поливіа и Ксенофонта. Правда, теперь въ литературу проникаетъ и народная рѣчь, но такъ слабо, что 99% всего, что печатается по-гречески, излагается на языкѣ искусственномъ. Какъ же создалась такая диглоссия?

На это отвѣчаетъ исторія греческой литературы и языка.

Для уясненія вопроса о новогреческомъ языкѣ съ исторической точки зрѣнія практическое значеніе имѣеть только византійско - римско - александрійскій періодъ и непосредственно предшествовавшая ему эпоха завоеванія литературы языкомъ, образовавшимся въ Аттікѣ. Характерной чертой времени расцвѣта аттицизма является единство между разговорною и литературною рѣчью; разница ограничивается только стилемъ. Этого факта не могутъ поколебать ни легкая іоническая окраска у Фукидида, бывшая результатомъ вліянія Геродота и другихъ предшественниковъ, ни грамматическія и фонетическія отклоненія, которыя намѣтили Мейстергангъ на основаніи аттическихъ надписей, ни нѣкоторыя вулгаризмы, встрѣчающіеся на вазахъ и т. п. Разница между разговорнымъ и литературнымъ языкомъ отнюдь не была столь значительна, чтобы затруднять пониманіе. Это ясно изъ того, что мы знаемъ изъ отношенія публики къ литературѣ. Геродотъ могъ читать свое твореніе народу, хотя на его языкѣ лежитъ отпечатокъ мѣстнаго нарѣчія; великіе драматы были понятны Аѣнтянамъ и пришельцамъ; ораторовъ понималъ весь народъ. На античную культуру возводится клевета, если греки въ полемикѣ по поводу языка иногда утверждаютъ, что древнегреческій литературный языкъ былъ искусственнымъ созданіемъ и отъ народнаго языка отличался такъ же, какъ теперь новогреческій языкъ литературный отличается отъ разговорной рѣчи.

Необычайный расцвѣтъ аттической культуры особенно съ IV вѣка до Р. Хр. вытѣснилъ прочіе діалекты, и скоро всѣми писателями былъ принятъ литературный языкъ, образовавшійся главнымъ образомъ изъ разговорнаго языка Аѣинскаго народа. Прочіе діалекты держались только въ семьѣ и ежедневномъ обиходѣ. Столь неестественно быстрое распространеніе аттическаго литературнаго языка по всѣмъ греческимъ и эллинизированнымъ областямъ не могло произойти безъ ущерба для него самого. Вѣваттические греки, которые приняли аттическую литературу и сами стали пользоваться для своихъ трудовъ аттической формой, дѣлали нововведенія. Да и сами сыны Аттіки, какъ это доказываютъ сочиненія Ксенофонта, не остановились на аттической нормѣ. Въ сочиненіяхъ Поливія мы видимъ окончаніе процесса, который начался со времени Ксенофонта и Аристо-

теля. Труды этого историка, равно какъ надписи и папирусы 3, 2 и 1 вв. до Р. Хр. показываютъ, что съ IV в. во всѣхъ греческихъ областяхъ распространился замѣчательно однообразный литературный языкъ, въ основѣ котораго лежали элементы аттичeskіе, но обогащенные элементами изъ другихъ діалектовъ. Благодаря именно такому смѣшенію, языкъ выигрывалъ въ ясности. Вотъ этотъ условный литературный общій языкъ, несомнѣнно въ виду его сходства съ языкомъ аттичeskой литературы, которая позднѣйшимъ поколѣніямъ представлялась недосыгаемымъ идеаломъ, царилъ не только въ александрійскій періодъ и въ періодъ императорскій римско-византійскій, но царилъ и со времени завоеванія Константинополя доселѣ.

Этотъ затвердѣвшій общій литературный языкъ угрожалъ опасностію дуализма. Для избѣжанія ея требовалось или постепенное измѣненіе языка или по временамъ радикальнныя приспособленія его къ развивающейся живой рѣчи. Дѣлалось и то и другое: первое въ періодъ александрійскій, римскій и въ новое время, а второе въ 12 и особенно въ 16—17 вѣкахъ. Но къ сожалѣнію, эти стремленія и опыты не разъ были останавливаемы. Если не говорить о мелкихъ явленіяхъ, то въ исторіи литературнаго языка съ александрійской эпохи до настоящаго времени слѣдуетъ отмѣтить три противныя романтическо-классическія теченія, которыя губельно отозвались на его свободномъ и естественномъ развитіи. Въ 1 вѣкѣ до Р. Хр. Діонисій Галикарнассскій вводитъ атицизмъ, который останавливаетъ развитіе языка, совершавшееся въ предшествующіи періодъ. Вліяніе Діонисія сильно сказывается на литературѣ въ періодъ 1—4 вв. по Р. Хр., простирается и далѣе, такъ что его можно назвать отчасти виновникомъ греческой диглоссіи. Затѣмъ гуманистическое возрожденіе въ эпоху Комниновъ и Палеологовъ 11—15 вв. задавило теченіе, начинавшее создавать литературный языкъ, приближавшійся къ разговорному (сочиненія Іоанна Малалы, Теофана, Константина Порфирогенита, житія святыхъ). Въ третій разъ созданіе жизнеспособнаго литературнаго языка было задержано торжествомъ архаистическихъ тенденцій въ 19 вѣкѣ. Къ счастью новый языкъ, проникшій въ литературу, благодаря работамъ писателей Семиостровія, не былъ вытѣсненъ совершенно.

Итакъ, не смотря на нѣкоторыя колебанія вправо и влево, предъ нами на лицо тотъ непримѣрный фактъ, что у Грековъ со времени Александра В. до новѣйшаго времени въ прозѣ почти исключительно, а въ поэзіи по большей части сохранился въ общемъ одинаковый языкъ, который только незначительно былъ затронутъ крутыми политическими и религіозными переворотами, турецкимъ игомъ, культурнымъ и матеріальнымъ упадкомъ и даже вліяніемъ непрерывныхъ измѣненій естественнаго языка.

Что же случилось въ это время съ живымъ народнымъ языкомъ? Онъ, конечно, непрерывно измѣнялся. Въ первыя столѣтія господства общаго литературнаго языка живой языкъ отличался отъ него прежде всего потому, что народъ удержалъ мѣстныя нарѣчія. На мѣсто этого дуализма явился потомъ другой. Древніе діалекты съ 4 в. до Р. Хр. поблекли. Наступленію этого результата содѣйствовали многіе факторы и прежде всего быстрое распространеніе эллинизма по всѣмъ областямъ Азіи и Африки, присоединеннымъ Александромъ Великимъ, нивелировка населенія въ новыхъ большихъ греческихъ городахъ, развитіе торговли, наконецъ, всѣхъ уравнивающая церковь и неблагопріятствовавшій индивидуальной жизни византизмъ. Исчезновеніе древнихъ діалектовъ шло безъ сомнѣнія очень неравномѣрно, т. е. съ значительными отклоненіями по различію мѣста и времени—въ одномъ мѣстѣ быстрѣе, въ другомъ медленнѣе. Прослѣдить чрезвычайно сложный процессъ этого исчезновенія, вѣроятно, не удастся никогда за отсутствіемъ нужныхъ данныхъ. Можно сказать только, что уже въ первые вѣка императорскаго періода различія діалектовъ значительно поблѣднѣли и въ эпоху Юстиніана давали о себѣ знать только въ немногихъ мѣстахъ.

Если древніе діалекты съ эпохи Александра и особенно въ періодъ императорскій вытѣсняются, то спрашивается, какова же была разговорная рѣчь этого времени? На этотъ вопросъ даютъ отвѣтъ папирусы Египта и надписи Малой Азіи. Здѣсь мы видимъ языкъ повседневной жизни. Онъ значительно разнится отъ литературнаго языка того времени. Это тотъ языкъ, на которомъ написаны книги Св. Писанія Новаго Завѣта. Какъ языку Евангелія, языку сношеній варваровъ съ греками и римлянами, ему пришлось сыграть

роль всемірнаго языка и во всякомъ случаѣ быть языкомъ всѣхъ греческихъ странъ. Разумѣется, этотъ языкъ, какъ и другіе, сталъ подъ дѣйствіе закона развитія всѣхъ языковъ: фонетическія, грамматическія и другія различія въ языкѣ постоянно выравниваются, но достигнутый уровень не остается неизмѣннымъ: новыя группировки создаютъ новыя различія. Подобный процессъ происходитъ въ языкѣ также въ отношеніи къ діалектамъ. Ихъ различія съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ сношеній и потребностей взаимнаго пониманія сглаживаются, возникаетъ такимъ образомъ общій разговорный языкъ; но и здѣсь разъ достигнутое состояніе уравненія не остается навсегда: въ языкѣ индивидовъ, какъ и большихъ группъ вѣчное движеніе — Гераклитово *πάντα ῥεῖ* здѣсь находитъ полное приложеніе—создаетъ скоро новыя различія; образуются новыя оттѣнки въ діалектахъ, которые начинаютъ затруднять взаимное пониманіе и дѣлаютъ желательнымъ новое выравниваніе. Этотъ процессъ съ очень поучительною ясностію выступаетъ предъ нами именно въ 3000-лѣтней исторіи греческаго языка. Многообразныя различія древнихъ діалектовъ исчезли. Ихъ мѣсто мало по малу заступилъ общій языкъ; но въ немъ скоро возникли грамматическія, лексическія и фонетическія различія и такимъ образомъ создали новыя группы діалектовъ. Эти діалекты не были продолженіемъ діалектовъ старыхъ: географическое распредѣленіе первыхъ не было размѣщеніемъ послѣднихъ. Новые діалекты распадаются на сѣверо-греческіе и южно-греческіе. Первые характеризуются особенно измѣненіемъ не имѣющихъ ударенія *ε* и *ο* въ *ι* и *ου* и частичнымъ или полнымъ исчезновеніемъ *ι* и *ου* безъ ударенія, вслѣдствіе чего многія слова измѣняются до неузнаваемости. По присущимъ ему законамъ всѣхъ языковъ общій разговорный языкъ продолжалъ измѣняться и послѣ распаденія на группы сѣверныхъ и южныхъ діалектовъ. Изъ этихъ измѣненій въ области фонетики слѣдуетъ отмѣтить исчезновеніе различной долготы гласныхъ и замѣщеніе музыкальнаго ударенія придыхательнымъ. Отъ этого измѣнился характеръ всего языка: изъ языка мелодическаго театральнаго онъ сталъ языкомъ современнымъ разговорнымъ. Отсюда древняя греческая метрика съ точки зрѣнія новогреческой фонетики непонятна. Старыя двугласныя превращаются въ

простыя гласныя и пр. Морфологическія измѣненія состоятъ въ исчезновеніи древнихъ неправильностей, напр. глаголы на *μ* замѣняются глаголами на *ω*. Въ склоненіяхъ исчезаетъ двойственное число и дательный падежь, въ спряженіи — прошедшее совершенное, желательное и неопредѣленное наклоненія. Синтаксисъ упрощается и модернизируется. Всѣ эти измѣненія совершались по внутреннимъ законамъ греческаго языка и духовнаго склада народа, безъ всякихъ вѣшнихъ давленій. Отсюда не можетъ быть рѣчи о вырожденіи, паденіи языка. Новогреческій языкъ есть законный потомокъ древнихъ предковъ своихъ. Единственная область, гдѣ дѣйствовало чуждое вліяніе, это область лексикологии. Прежде всего въ греческій языкъ вошло много словъ латинскихъ для обозначенія учреждений придворныхъ, судебныхъ, административныхъ и т. п. Позднѣе входили слова итальянскія, славянскія, румынскія, албанскія и турецкія.

По мѣрѣ того какъ измѣненія въ живомъ языкѣ умножались, между нимъ и замершимъ въ старыхъ формахъ литературнымъ языкомъ раскрывалась все большая пропасть. Разумѣется, вполнѣ изолированно они жить не могли. Въ частной перепискѣ, для нуждъ обыденной жизни, какъ свидѣтельствуя папирусы и надписи, языкъ покидалъ суровыя старыя формы. Потомъ явилось Евангеліе. Народная христіанская литература житій святыхъ, апокрифовъ также пользовалась языкомъ живымъ. Въ шестомъ вѣкѣ мы видимъ хронику Іоанна Малалы, которая для сужденія о народномъ языкѣ этого вѣка имѣетъ такое же значеніе, какое Новый Заветъ для сужденія о народномъ языкѣ 1-го вѣка. Въ 9-мъ вѣкѣ является лѣтопись Теофана, языкъ которой представляетъ смѣшеніе языка литературнаго и разговорнаго. Въ 10-мъ вѣкѣ тотъ же характеръ имѣютъ сочиненія Константина Порфирогенита. Нужно замѣтить впрочемъ, что проникновеніе народнаго языка въ литературу во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ не было сознательнымъ компромиссомъ, а большею частію обусловливалось недостаточнымъ знаніемъ языка литературнаго.—Послѣ многихъ столѣтій, въ теченіе которыхъ разговорный общій языкъ былъ закрытъ языкомъ литературнымъ и только иногда по мѣстамъ проникалъ на поверхность, онъ сразу появляется въ

сравнительно чистой формѣ въ крупныхъ произведеніяхъ письменности. Вслѣдствіе этого дуализмъ, который de facto существовалъ давно, выступаетъ открыто, и съ этого времени проявленіе его можно изучать изъ столѣтія въ столѣтіе уже по литературнымъ памятникамъ. Если не обращать вниманія на мелкіе факты, то можно сказать, что разговорный языкъ проникаетъ въ литературу съ 11-го вѣка. Въ періодъ времени 11—13 вѣковъ въ греческомъ языкѣ замѣчается явленіе, какое мы видимъ въ это же время у романскихъ народовъ. Параллелизмъ этого развитія тѣмъ интереснѣе, что у грековъ и романскихъ народовъ оно совершалось самостоятельно; по крайней мѣрѣ о сознательномъ подражаніи въ этомъ отношеніи той или другой стороны ничего не извѣстно. Да это подражаніе и невѣроятно при той огромной пропасти, которая со времени раздѣленія имперіи и распаденія ея западной половины, послѣ частыхъ религіозныхъ споровъ, при глубокой противоположности расъ и языковъ, разверзлась между греческимъ востокомъ и латинскимъ западомъ къ эпохѣ появленія національныхъ языковъ. У грековъ переворотъ, конечно, не могъ имѣть столь рѣзкой формы, ибо у нихъ культура и школьное образованіе никогда не подвергались такому перерыву, какъ на западѣ. Тѣмъ не менѣе съ 14 вѣка у нихъ рядомъ стихотворныхъ опытовъ были заложены основы для новой жизнеспособной литературы. Въ опытахъ прозаическихъ мы видимъ его прежде всего на Кипрѣ съ 15 вѣка, а затѣмъ съ 16-го вѣка литература на народномъ языкѣ дѣлается замѣтной на Критѣ. Политическая катастрофа со вторженіемъ Турокъ губительно отозвалась и на развитіи литературы. Подъ давленіемъ ислама все замерло. Возрожденіе началось съ 18-го вѣка подъ влияніемъ просвѣтительнаго движенія въ Европѣ и нарастанія матеріальнаго благосостоянія націи, благодаря нѣкоторому смягченію турецкаго гнета. Греки, занимавшіеся торговлею и бывавшіе въ чужихъ краяхъ, привозили на родину науку и просвѣщеніе. Какой же языкъ долженъ былъ служить орудіемъ ихъ распространенія? Народный языкъ имѣлъ за себя то преимущество, что былъ доступенъ массѣ. Но онъ не былъ обработанъ для литературныхъ цѣлей и безусловно бѣденъ словами для научныхъ понятій. При томъ для людей, привыкшихъ къ языку старому, онъ ка-

заяся грубымъ. Съ искусственнымъ языкомъ дѣло обстояло иначе. Даже въ самыя темныя времена онъ не переставалъ быть языкомъ литературы и обладалъ огромнымъ запасомъ словъ, который всегда могъ быть пополняемъ изъ неисчерпаемыхъ источниковъ древней письменности. Онъ не былъ, конечно, общепонятнымъ языкомъ. Но люди, которые несли домой просвѣщеніе и науку, были людьми научно образованными, воспитавшимися на древней литературѣ. Для нихъ этотъ языкъ не представлялъ затрудненій, и они воспользовались имъ. Національное освободительное движеніе 1821—28 г. не измѣнило этого направленія, а укрѣпило его. Если въ западной Европѣ греческая древность производила очарованіе, то еще въ большей степени она это дѣлала дома. Искусственный языкъ съ основаніемъ греческаго королевства сразу получилъ множество могучихъ средствъ для укрѣпленія господства за собою.

Такъ возникло греческое двуязычіе, а съ нимъ *τὸ γλωσσικὸν ζήτημα*, который волнуетъ не только всѣхъ грековъ, но горячо обсуждается и внѣ предѣловъ Греціи. Ненормальность такого положенія не могла не вызывать противодѣйствія: народный языкъ долженъ былъ рваться въ литературу въ теченіе всего 19-го вѣка. Любопытно, что движеніе въ пользу его зародилось въ мѣстностяхъ, не испытавшихъ турецкаго ига,—на Ионическихъ островахъ. Во главѣ этого движенія по всей справедливости долженъ быть поставленъ Діонисій Соломосъ изъ Занте съ цѣлой плеядой другихъ талантливыхъ писателей и теоретиковъ народнаго языка. Не мало было израсходовано чернилъ въ полемикѣ двухъ враждовавшихъ партій. Дѣло не ограничилось чернилами. Какъ извѣстно, въ послѣднее время была пролита даже кровь. Разумѣемъ скорбныя событія, разыгравшіяся по поводу переложенія Нового Завѣта на понятный народу языкъ ¹⁾.

¹⁾ Объ этомъ печальномъ происшествіи у насъ и за границей ходили смутные и невѣрные слухи. Въ виду громаднаго значенія его въ вопросѣ о греческой диглоссіи мы изложимъ его подробно.—Королева Греческая Ольга Константиновна уже давно при посѣщеніи тюремъ наблюдала, что религіозныя понятія и познанія народа крайне недостаточны, и что вслѣдствіе этого нѣкоторые осужденные не могутъ быть признаны ответственными за совершенныя ими преступленія. Затѣмъ при постоянномъ обращеніи съ людьми изъ народа въ больницахъ, особенно въ основанномъ ею

Тотъ фактъ, что *καθαρεύουσα* такъ упорно отстаиваетъ свое существованіе, заставляетъ предполагать наличность серьез-

госпиталь и, наконецъ, во время несчастной греко-турецкой войны изъ частныхъ разговоровъ съ ранеными солдатами въ греческихъ лазаретахъ она все болѣе убѣждалась, какъ заброшено религиозное воспитаніе народа. Прежде всего ей казалось достойнымъ сожалѣнія то обстоятельство, что главная и основная книга христіанства—Новый Заветъ—оставалась недоступной широкимъ слоямъ населенія, ибо старый языкъ ея не былъ имъ понятенъ. Почему грекъ лишился возможности имѣть то наставленіе въ молодости и то утѣшеніе въ тяжелыя минуты, какое могъ почерпать изъ перевода священныхъ книгъ русской крестьянинъ? Такъ какъ существующіе новогреческіе переводы были обязаны протестантамъ, отвергнуты греческимъ духовенствомъ и притомъ по своему языку все же малодоступны народу, то Королева рѣшила предпринять новый переводъ. Рѣшеніе это привела въ исполненіе г-жа Сомакисъ. Переводъ былъ провѣренъ комиссіей изъ филологовъ и богослововъ и одобренъ митрополитомъ Прокопіемъ. Во избѣжаніе недоразумѣній параллельно съ переводомъ былъ отпечатанъ подлинникъ. Книга была напечатана въ количествѣ 1000 экземпляровъ и раздавалась Королевой въ госпиталяхъ и тюрьмахъ. Въ короткій срокъ экземпляры разошлись и стали думать о второмъ улучшеніи изданія. Въ это время въ Ливерпулѣ появился переводъ на народный языкъ Евангелія отъ Матѳея Александра Паллиса, переводчика Гомера. Къ сожалѣнію дѣло не обошлось безъ погрѣшностей и недоразумѣній. Большой ошибкой было уже то, что переводъ былъ напечатанъ въ газетѣ „Аѳинскій Акрополь“. Это многимъ показалось профанаціей священной книги. Другая ошибка состояла въ томъ, что авторъ, стремясь сохранить народный языкъ въ наибольшей чистотѣ, по мѣстамъ переводилъ вульгарныя, чѣмъ было необходимо, и не обращая вниманія на двусмысленность нѣкоторыхъ выраженій. Разумѣется, эти ошибки не затрогивали существа дѣла. При этомъ не нужно забывать, что переводъ Паллиса былъ дѣломъ частнаго человѣка и не располагалъ поддержкой никакого учрежденія. Ни о какомъ принужденіи народа не могло быть и рѣчи. Наконецъ, всѣ противники могли пользоваться средствами литературной защиты и научной критики. Не смотря на все это, обнародованіе перевода вызвало среди населенія, особенно среди студентовъ, страшное возбужденіе. Газеты воспользовались этимъ случаемъ для фанатической полемики. Редакція „Акрополя“ и одной сочувствовавшей ей газеты угрожали штурмъ и разрушеніе. Волненія потребовали вмѣшательства вооруженной силы, и многія молодые жизни пали ихъ жертвою.

Въ этотъ водоворотъ былъ вовлеченъ и переводъ, предпринятый по инициативѣ Королевы. Ходили ложные слухи и находили вѣру: переводъ „Акрополя“ считался дѣломъ, которому покровительствовала Королева; Королева хотѣла измѣнить религію и желала, чтобы Евангеліе читалось въ церквахъ на русскомъ языкѣ. Въ высшихъ классахъ сплетничали, что Королева въ интересахъ панславизма хотѣла показать, что греки бо-

ныхъ основаній въ его пользу у его защитниковъ. Проф. Крумбахеръ дѣлаетъ обзоръ этихъ аргументовъ. Одно изъ такихъ главныхъ основаній указывается въ крупныхъ недо-

лѣе не понимаютъ своего языка, языка Евангелія. Въ заключеніе движеніе низвергло министерство, и духовное вѣдомство издало опредѣленіе, которое запрещало употребленіе, правда, только новогреческихъ переводовъ, но въ сущности дѣлало невозможнымъ всякое усрохненіе старогреческаго текста. Переводъ, предпринятый по иниціативѣ Королевы, измѣнялъ такъ мало въ этомъ текстѣ, что его въ сущности нельзя назвать новогреческимъ. Слѣдующее сопоставленіе доказываетъ это съ совершенною очевидностію.

Подлинный текстъ. Мѡ.3,10-12.	Переводъ Виблейскаго общества.	Переводъ г-жи Сомакисъ.	Переводъ Паллиса.
3, 10. Ἦδη δε καὶ ἡ ἀξίνη πρὸς τὴν ῥίζαν τῶν δένδρων κεῖται πᾶν οὖν δένδρον μὴ ποιοῦν καρπὸν καλὸν ἐκκοπτεται καὶ εἰς πῦρ βάλλεται.	Καὶ ἰδοὺ, καὶ τὸ πέλεκυ εἰς τὴν ῥίζαν τοῦ δένδρου κεῖται· καθεὶ δένδρον λοιπὸν ὄπου δὲν κάμνει καλὸν καρπὸν, δὲν κόπτεται καὶ βάλλεται εἰς τὸ πῦρ.	Τώρα δὲ πλέον καὶ ἡ ἀξίνη πλησίον εἰς τὴν ῥίζαν τῶν δένδρων εὐρίσκεται· καθεὶ λοιπὸν δένδρον, ποῦ δὲν κάμνει καλὸν καρπὸν, κοπτεται σιταὶ καὶ ῥίπτεται εἰς τὴν φωτιάν.	Καὶ πᾶς τὸ ξινάρι τώρα στέκει κοντὰ σιτῇ ῥίζα τῶν δένδρων· καθεὶ λοιπὸν δέντρο, ποῦ δὲν κάνει καρπὸ καλὸ, κόβεται καὶ ῥήχεται σιτῇ φωτιά.
3, 11. Ἐγὼ μὲν βαπτίζω ὑμᾶς ἐν ὕδατι εἰς μετάνοιαν· ὁ δὲ ὀπίσω μου ἐρχόμενος ἰσχυρότερός μου ἐστίν, οὐδὲν οὐκ εἰμὶ ἰκανὸς τὰ ὑποδήματα βαστάσαι αὐτοῦ· ὑμᾶς βαπτίσει ἐν Πνεύματι ἁγίῳ καὶ πυρὶ.	Ἐγὼ σᾶς βαπτίζω μὲ τὸ νερὸν εἰς μετάνοιαν· ἐκεῖνος δὲ, ὁ ποῦ ἔρχεται ὀπίσω μου, εἶναι δυνατώτερός μου, τοῦ ὁποῖου ἐγὼ δὲν εἰμαι ἀξίος νὰ σηκῶσω τὰ ὑποδήματα· αὐτὸς θέλει σᾶς βαπτίσει μὲ Πνεῦμα ἅγιον καὶ με πῦρ.	Ἐγὼ μὲν σᾶς βαπτίζω μὲ νερὸν διὰ νὰ μετανοήσετε. Ἐκεῖνος δὲ, ποῦ ἔρχεται ὀπίσω μου, εἶναι δυνατώτερος ἀπὸ ἐμεῖ, ὁποῖου ἐγὼ δὲν εἰμαι ἀξίος νὰ βαστάσω ὑποδήματι. Αὐτὸς θὰ σᾶς βαπτίσει μὲ Πνεῦμα Ἄγιον καὶ με πῦρ.	Ἐγὼ σᾶς βαπτίζω μὲ νερὸ γιὰ μετανιωμὸ, καὶ αὐτὸς ποῦ φτάνει πῖσω μου εἶναι δυνατώτερός μου, ποῦ δὲν εἰμαι ἀξίος νὰ σηκῶσω τὰ σαντάλια του· αὐτὸς θὰ σᾶς βαπτίσει μὲ πνεῦμα ἅγιο καὶ φωτιά.
3, 12. Οὐδὲν τὸ πύρον ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ, καὶ διακαθαρίζει τὴν ἄλωνα αὐτοῦ καὶ συνάξει τὸν σίτον αὐτοῦ εἰς τὴν ἀποθήκην, τὸ δὲ ἄχυρον κατακαύσει πυρὶ ἀσβέστῳ.	Εἰς τοῦ ὁποῖου τὴν χεῖρα εἶναι τὸ περὶ σου, καὶ θέλει μαζέψῃ τὸ σιτάριόν του· εἰς τὴν ἀποθήκην του, τὸ δὲ ἄχυρον θέλει το κατακαύσει μὲ πῦρ, ὅπου δὲν σβεῖ ποτέ.	Ὁ Ὅποιος κρατεῖ τὸ φανάρι εἰς τὸ χεῖρι του, καὶ θὰ καθαρῶσει τὸ ἄλωνι καὶ θὰ συνάξει τὸ σιτάρι Του εἰς τὴν ἀποθήκην, τὸ δὲ ἄχυρον θὰ κατακαύσει μὲ φωτιάν, ποῦ ποτέ θὰ δὲν σβένει.	Ποῦ τὸ φανάρι· νει στὸ χεῖρι του καὶ θὰ παστρώσει πέρα ὡς περὰ τ' ἄλωνι του, καὶ θὰ μαζέψει τὸ σιτάρι του σιτὴν ἀποθήκην, καὶ τ' ἄχυρο θὰ κάψει μὲ ἄσβεστη φωτιά.

статкахъ народнаго языка, въ его неспособности замѣнить *καθαρεύουσα*. Языкъ этотъ грубъ, неправиленъ, бѣденъ, изобилуетъ иностранными словами и страдаетъ отсутствіемъ однообразія.

Обвиненіе въ грубости покоится на ошибочномъ идеализированіи языка классической литературы. Произведенія этой литературы прекрасны и всегда останутся таковыми, но языкъ не можетъ замирать въ однихъ и тѣхъ же формахъ и вѣчно мѣняется. Къ сожалѣнію этотъ предразсудокъ распространенъ не только среди греческихъ защитниковъ *καθαρεύουσα*: одинъ извѣстный Бонскій филологъ выходилъ изъ себя при видѣ того, какъ въ новогреческомъ языкѣ предлогъ *από* сталъ управлять винительнымъ падежемъ вмѣсто родительнаго.

Упрекъ въ неправильности предъявляется народному языку по тому же недоразумѣнію. Этотъ языкъ неправиленъ потому, что не подчиняется аттическимъ шаблонамъ, что его орѳографія не скована цѣпью параграфовъ. Но живой языкъ не можетъ имѣть неправильныхъ формъ въ смыслѣ греческихъ пуристовъ. Здѣсь *cum grano salis* находить приложеніе извѣстная максима Гегеля: „все дѣйствительное разумно“. Какъ скоро форма принята большинствомъ, она уже тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право гражданства. Выдерживая точку зрѣнія защитниковъ *καθαρεύουσα*, пришлось бы признать итальянскій, французскій и испанскій языки

Обсуждая это событіе, проф. Крумбахеръ не скупился на рѣзкія замѣчанія по адресу грековъ, зачисляетъ ихъ въ азіаты (въ компаніи съ нами), упрекаетъ за ничѣмъ неоправдываемое высокомеріе и на основаніи своего опыта считаетъ безусловно ложнымъ утвержденіе, что всѣ греки—какъ образованные, такъ и необразованные могутъ понимать Евангеліе въ подлинномъ текстѣ. „Это иронія судьбы, заключаетъ авторъ словами Тумба, что вопросъ о новогреческомъ языкѣ разрѣшился борьбою по поводу перевода Библии. Когда Новозавѣтныя Писанія вступили въ кругъ образованныхъ представителей древней Эллады, то языкъ ихъ возбуждалъ презрѣніе и отвращеніе; его характеризовали, какъ языкъ матросовъ, который звучитъ совершенно варварски. Евангеліе проповѣдывалось бѣднымъ и униженнымъ на языкѣ, который былъ понятенъ простому человѣку, а теперь правовѣрные Аенняне угрожаютъ проклятіемъ и смертью тѣмъ, которые хотятъ того же, чего хотѣли Апостолы, я еще убѣждены, что это христіанство“.

сплошнымъ преступленіемъ противъ латинскаго языка. Разсуждать такъ значить на мѣсто жизни ставить неподвижное оцѣпенѣніе смерти и допускать, что греческій народъ со времени Платона и Аристотеля не жилъ, не работалъ, не думалъ.

Указаніе на бѣдность народнаго языка имѣеть основаніе. Но эта бѣдность присуща каждому языку, пока онъ служитъ только нуждамъ повседневной жизни. Но разъ онъ призывается на высшее служеніе, въ немъ быстро происходитъ приспособленіе къ новымъ требованіямъ, какъ это показываетъ примѣръ языковъ славянскихъ, особенно русскаго и чешскаго.

Высказываются далѣе жалобы на то, что народный языкъ переполненъ иностранными словами. Проф. Крумбахеръ по этому поводу совершенно вѣрно замѣчаетъ, что жизнеспособный языкъ не боится иностранныхъ словъ; онъ самъ безъ содѣйствія полиціи языка производитъ самоочищеніе, и не страдаетъ отъ нихъ такъ же, какъ не страдаетъ отъ бактерий здоровый организмъ. Накопленіе иностранныхъ словъ въ греческомъ языкѣ вызывалось смѣною различныхъ культурныхъ, политическихъ, религіозныхъ и торговыхъ отношеній. Вычеркивать эти слова значить вычеркивать строки изъ исторіи народа. Большинство изъ нихъ имѣеть такое значеніе, какое не можетъ быть замѣщено эквивалентомъ. Для примѣра проф. Крумбахеръ приводитъ слово *τοῦφεκι*. Это было оружіе храбрыхъ клефтовъ, дикая независимость которыхъ не была сломлена никогда. Съ этимъ оружіемъ боролись греки, поднятые Россіей въ 1770 году. Съ туфеки греки завоевали свою свободу въ 19 вѣкѣ. Въ народныхъ пѣсняхъ слово встрѣчается чуть не въ каждой строфѣ. Между тѣмъ греческіе педанты выкопали для замѣщенія его старое *βίλον*, которое означаетъ оружіе вообще. Изгонять слова, подобныя *τοῦφεκι*, равносильно попыткѣ удалить изъ нѣмецкаго языка заимствованныя слова: Pferd, Fenster, Steppe, Grenze, Offizier...

Самый серьезный упрекъ, который можетъ быть предъявленъ къ народному языку, это отсутствіе въ немъ однообразія: онъ состоитъ изъ множества различныхъ діалектовъ. Но во-первыхъ не слѣдуетъ преувеличивать. Кто путешествовалъ по Турціи и Греціи, тотъ знаетъ, что во всѣхъ

большихъ городахъ, каковы Константинополь, Смирна, Аѳины и т. д., говорятъ на сравнительно однообразномъ языкѣ, и всякій, знающій греческій языкъ, не встрѣтитъ ни малѣйшаго затрудненія, хотя бы онъ не зналъ мѣстныхъ нарѣчій. Затѣмъ различія греческихъ діалектовъ касаются большею частію словъ. Но эти различія, какъ извѣстно, существуютъ и въ странахъ, которыя давно сдѣлали народный языкъ языкомъ литературнымъ, напр. въ Германіи. Разнообразіе иногда идетъ очень далеко и однако ничему не вредитъ. Напр. сливки южный нѣмецъ называетъ *Rahm*, сѣверный—*Sahne*, австрійскій *Obers*, русскій *Schmant* и т. д. Всѣ эти различія не только не вредятъ единству языка, а напротивъ очень полезны, ибо они даютъ возможность лучше отгѣнять выраженія. Притомъ самое главное и наиболѣе бросающееся въ глаза различіе нарѣчій заключается не въ разницѣ окончаній и словъ, а въ неодинаковости выговора.

Покончивъ съ возраженіями противъ народнаго языка, проф. Крумбахеръ обращается къ оцѣнкѣ аргументовъ въ пользу *кадареѳовска*. Значительнѣйшій изъ этихъ аргументовъ историческій. Онъ изложенъ выше. Но исторія только объясняетъ существованіе *диглоссіи*, а не обязываетъ удерживать ее.—Далѣе указывается на то, что *кадареѳовска* можетъ выражать все и понятенъ всѣмъ грекамъ. Но и то и другое справедливо только относительно. Для выраженія болѣе тонкихъ отгѣнковъ *кадареѳовска* часто оказывается несостоятельнымъ. Понимаютъ его только тѣ, кто прошелъ среднюю школу или частнымъ образомъ подготовлялся къ тому. Въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ положеніе, въ какомъ была латынь въ средневѣковыхъ школахъ Италіи.—Затѣмъ ссылаются на тотъ фактъ, что благодаря консервативному характеру теперешняго литературнаго языка греки въ состояніи безъ затрудненія понимать древнюю литературу. Тутъ есть доля правды. Но проф. Крумбахеръ замѣчалъ, что даже греческіе университетскіе студенты, благодаря измѣненію значенія словъ во времени, становятся жертвою недоразумѣнія.—Утверждаютъ еще, что *кадареѳовска* понятенъ ученымъ всѣхъ странъ и можетъ быть поэтому универсальнымъ языкомъ. Но это оптимистическое воззрѣніе разрушается опытомъ. Что обо всѣхъ ученыхъ не можетъ быть рѣчи, это признаетъ каждый, кому извѣстно, какъ основательно исчезаетъ гре-

ческий языкъ изъ памяти большинства ученыхъ въ Германіи, Франціи, Италіи и т. д. Даже къ филологамъ-классикамъ это смѣлое утвержденіе приложимо только отчасти. Можно наблюдать, что даже филологи въ виду измѣненія значенія старыхъ словъ понимаютъ новогреческія газеты и журналы весьма недостаточно.

Но если бы даже *кадареѳоса* былъ понятенъ болѣе обширнымъ слоямъ населенія, этимъ онъ выигрывалъ бы немного. Задача литературнаго языка не исчерпывается тѣмъ, что онъ есть орудіе передачи извѣстнаго содержанія. Къ жизнеспособному языку предъявляются требованія болѣе высокія. Его должны не только понимать, но и чувствовать. *Када-реѳоса* этимъ требованіямъ удовлетворить не можетъ. Его не всасываютъ съ молокомъ матери, его не усваиваютъ во время дѣтскихъ игръ; онъ не связывается съ желаніями, страстными порывами и надеждами. Это бумажный языкъ въ худшемъ значеніи этого слова. Онъ подчиняетъ себѣ ходъ мысли и деликатныя движенія чувства вмѣсто того, чтобы подчиняться имъ. Стремленіе вдохнуть жизнь въ искусственно гальванизированный языкъ есть Сизифова работа. Для не знающихъ греческаго языка авторъ въ примѣръ того, чего добиваются греки, приводитъ комическую операцію превращенія первыхъ строкъ марсельезы въ латынь:

Allons enfants de la patrie,
 Ambulemus infantes de illa patria
 Le jour de gloire est arrivée
 Illud diurnum de gloria est adripatum.

Въ заключеніе защитники *кадареѳоса* приводятъ общее соображеніе противъ иностранцевъ, которые вмѣшиваются въ вопросъ о языкѣ. Послѣдніе должны понять, что цѣлый народъ заблуждаться не можетъ. Что всѣ греки хотятъ *кадареѳоса*, есть лучшее доказательство того, что онъ является самымъ подходящимъ литературнымъ языкомъ для Греціи. Но этотъ аргументъ не столь силенъ, какъ думаютъ защитники *кадареѳоса*, ибо исторія представляетъ не мало примѣровъ того, какъ цѣлые народы были одержимы заблужденіями, которыя они потомъ сами отвергли, по вопросамъ политическимъ, религіознымъ, художественнымъ и литературнымъ. Здѣсь авторъ между прочимъ ссылается на поло-

женіе дѣлѣ въ Россіи. До 18-го вѣка въ Россіи все писали на мертвомъ полуславянскомъ языкѣ. Съ 18-го вѣка онъ былъ покинутъ и только съ этого времени русская литература стала дѣлать крупныя успѣхи. Безъ этого переворота не были бы мыслимы Пушкинъ, Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, Чеховъ и Горькій.

Архаизмомъ своихъ формъ *καθαρεύουσα* дѣйствуетъ на душу деморализующимъ образомъ. Онъ вызываетъ у грека удовольствіе подобное тому, какое испытываетъ хорошо начитанный латинистъ при встрѣчѣ съ красивымъ стихомъ Вергилія. Было бы несправедливо отрицать всякую цѣнность формы, которая оказываетъ такое дѣйствіе на образованнаго человѣка. Но вредъ перевѣшиваетъ пользу. Если высокій стиль какой-нибудь трагедіи можетъ услаждать насъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и вызывать у насъ торжественное настроеніе, то онъ сталъ бы невыносимъ, если бы встрѣчался повсюду. А въ Греціи *καθαρεύουσα* преслѣдуетъ человѣка отъ колыбели до могилы. И если здѣсь многіе читатели и писатели привыкаютъ къ омертвѣвшимъ формамъ, то эта привычка покупается дорогою цѣною: мысль работаетъ не такъ дѣльно, чувство лишается естественности, выраженіе теряетъ точность. Двойственность формъ языка образуетъ въ душѣ дуализмъ: естественная, простая мысль и чувство живутъ рядомъ съ неестественными. И этому дуализму никогда не суждено прекратиться вопреки довольно распространенному среди грековъ убѣжденію, что со временемъ *καθαρεύουσα* и народный языкъ сольются въ одинъ, что неклассическія слова и формы послѣдняго будутъ вытѣснены и замѣнены эквивалентами языка классическаго. Какъ велико раздвоеніе, это приверженцамъ *καθαρεύουσα* остается, кажется, неяснымъ. Безъ дальнѣйшихъ разсужденій они замѣняютъ слова и формы народнаго языка словами и формами языка древняго, но при этомъ забываютъ, что такіе эквиваленты никогда не покрываютъ другъ друга. Нѣтъ нужды говорить о частныхъ случаяхъ, когда новогреческое или иностранное современное слово замѣняется такимъ, которое имѣетъ не одинаковое, а только похожее значеніе. Разница идетъ гораздо дальше; она обнимаетъ, если приложить субъективный психологическій масштабъ, громадное большинство всехъ съ виду однозначныхъ словъ и формъ

новаго и древняго языковъ. Разсматриваемыя изолированно и объективно слова, какъ *νερό* и *ὕδωρ*, *κραιά* и *οἶνος*, *φοβερῆζω* и *ἀπειλῶ*, *ἔτσι* и *οὕτως* имѣютъ одинаковое значеніе. Но въ конкретной связи предложенія и для субъективнаго чувства читателя или слушателя слова эти не эквивалентны. *Wein*, *Brot* у нѣмца вызываютъ не тоже представленіе, какъ *vin*, *pain* у француза. Старыя слова и формы *καθαρεύουσα* относятся къ словамъ и формамъ естественнаго языка, какъ въ фотографіи смазанные снимки съ выдержкой къ яснымъ и рѣзкимъ моментальнымъ снимкамъ.

Господство *καθαρεύουσα* даетъ себя знать печальными результатами не только въ области литературы. Отъ него страдаетъ школьное образованіе. Изученіе трудной старой грамматики поглощаетъ массу времени и оттѣсняетъ всѣ другіе предметы на задній планъ. Благодаря усиленному изученію мифологіи, исторіи и другихъ предметовъ, связанныхъ съ главнымъ предметомъ—древнимъ языкомъ, духовная дѣятельность учащихся получаетъ характеръ пассивный. Въ области суда и администраціи—судебные приговоры, нотаріальные акты и другіе документы остаются для народа непонятными. Въ военномъ дѣлѣ старый языкъ можетъ вести прямо къ несчастіямъ. Авторъ рассказываетъ случай на морѣ во время шторма, когда растерявшіеся матросы перестали понимать команду на старомъ языкѣ. Несчастіе было избѣгнуто только потому, что одинъ старикъ, не потерявшій присутствія духа, отдалъ команду на языкѣ народномъ.—Въ религіозной жизни вліяніе *καθαρεύουσα* также губительно: народъ не понимаетъ проповѣди.—Черезъ *καθαρεύουσα*, наконецъ, страдаетъ все дѣло націи. Въ турецкихъ вилайетахъ съ смѣшаннымъ населеніемъ всѣ—армяне, болгары, сербы, румыны ведутъ успѣшно пропаганду, а греки съ своимъ непонятнымъ простому народу языкомъ упускаютъ изъ рукъ вліяніе.

Господство *καθαρεύουσα*, наконецъ, объясняетъ страшное безплодіе новогреческой литературы. Нельзя указать ни одного крупнаго художественнаго произведенія, написаннаго на *καθαρεύουσα*. Сами греки не отрицаютъ того факта, что въ Греціи очень мало книгъ для чтенія. Проф. Крумбахеръ идетъ до утвержденія, что и въ болѣе отдаленныя времена, въ теченіе послѣднихъ двухъ тысячъ лѣтъ греки не дали,

за немногими исключеніями, ничего крупнаго именно вслѣдствіе крайней приверженности къ старымъ формамъ, господства рутины и вѣры въ силу шаблона.

Въ новѣйшее время, къ счастью, наблюдается поворотъ къ лучшему. Движеніе въ пользу народнаго языка, которое раньше ограничивалось Ионическими островами, распространяется по всей Греціи. Центръ его теперь Аѣины. Благодаря работамъ Психари, народный языкъ въ послѣдніе 20 лѣтъ сильнѣе и самоувѣреннѣе проникаетъ въ литературу. Можно назвать достаточно писателей, которые дали талантливыя произведенія въ прозѣ и стихахъ. У сторонниковъ реформы есть свои журналы.

Лучшее доказательство того, что уясненіе истины дѣлаетъ успѣхи, представляетъ фактъ, что сторонники *καθαρεύουσα* начинаютъ подливать воду въ свое классическое вино. Большинство теперь отказывается отъ строгаго архаизма въ томъ видѣ, какъ онъ царилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ. Образованные греки, можетъ быть, даже убѣждены, что еще сто лѣтъ назадъ надо было послушаться Курои и принять народный языкъ, но ихъ удерживаетъ опасеніе радикальнаго переворота. Они думаютъ выйти изъ затрудненія путемъ компромисса (*συμβιβασμός*) и дѣлаютъ живому языку уступки какъ въ словарѣ, такъ и въ грамматикѣ. Съ другой стороны знаменательно, что даже такой радикальный пропагаторъ народнаго языка, какъ Психари, имѣетъ въ Греціи значительное число сторонниковъ. Психари требуетъ безусловной замѣны *καθαρεύουσα* народнымъ языкомъ и устанавливаетъ для послѣдняго драконовскіе законы. Психари безъ сомнѣнія впалъ въ односторонность. Его методы приложимы для созданія литературнаго языка среди народа некультурнаго, который впервые нуждается въ этомъ языкѣ, но не тамъ, гдѣ, какъ въ Греціи, народъ имѣетъ большое литературное прошлое. Грамматическій терроризмъ Психари только испугалъ публику. Но всеже Психари ближе къ истинѣ, чѣмъ его противники. Въ основу реформы во всякомъ случаѣ долженъ быть положенъ народный языкъ. Существующія въ живомъ языкѣ различія могутъ быть сглажены принятіемъ какого-нибудь одного нарѣчія, напр. Аѣинскаго. При этомъ конечно окажутся неизбѣжными уступки традиціи. Останутся всѣ старыя слова, которыя давно вошли въ

литературный языкъ, тѣсно срослись съ литературными обычаями и не имѣютъ эквивалентовъ въ народномъ языкѣ. Уступки также могутъ быть сдѣланы въ фонетикѣ и морфологии. Какъ общее правило, которое должно опредѣлять границы уступокъ въ морфологии, фонетикѣ и словарѣ, должно быть усвоено слѣдующее положеніе: принимать только абсолютно необходимое, только то, для чего средства естественнаго языка недостаточны. Никакихъ словъ и формъ только потому, что они древнія! Спасеніе не въ *καθαρεύουσα* съ уступками народному языку, а въ народномъ языкѣ, смягченномъ традиціей. Постройку надо возводить снизу вверхъ, а не сверху внизъ.

Тактика реформы должна заключаться въ томъ, чтобы сначала занять области изящной литературы, овладѣть поэзіей, гдѣ народный языкъ уже давно и успѣшно примѣняется, а также прозой—разсказами, повѣстями, романами, драматическими произведеніями, литературными и эстетическими статьями. Дѣло реформы могло бы много выиграть, если бы явился новогреческій Данте. Многіе полагаютъ даже, что безъ него реформа не можетъ быть проведена. Но это заключеніе противорѣчитъ исторіи. Новый русскій языкъ напр. былъ созданъ не Данте, а рядомъ обыкновенныхъ писателей. Да притомъ и ходячія фразы о созданіи итальянскаго языка Данте должны быть принимаемы *cum grano salis*: дѣло Данте начало дѣлаться гораздо раньше его.—Содѣйствіе церкви и государства, единодушная работа писателей могли бы сильно двинуть реформу впередъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Безъ этой реформы Греція останется переживаніемъ древней культуры и въ сторонѣ отъ современнаго культурнаго движенія.

И. Андреевъ.